

1

Межпланетный корабль разбился.

От моего старого школьного товарища, который больше полумесяца правил этим кораблем, осталось лишь нечто бесформенное. А я, видимо, жив. Как случилось, что я не погиб? Может быть, это знают волшебники, но не я.

Мы летели к Марсу. По расчетам моего покойного друга, наш корабль уже вошел в сферу притяжения Марса. Выходит, я достиг цели? Если это так, то душа моего друга может быть спокойна: ради чести оказаться первым китайцем на Марсе стоит и умереть! Но на Марс ли я попал? Могу лишь строить догадки, никаких доказательств у меня нет. Конечно, астроном определил бы, что это за планета, но я, к сожалению, понимаю в астрономии ничуть не больше, чем в древнеегипетских письменах. Друг, без сомнения, просветил бы меня... Увы! Мой добрый старый друг...

Корабль разбился. Как же я теперь вернусь на Землю? В моем распоряжении одни лохмотья, похожие на сушеный шпинат, да остатки еды в желудке. Дай бог как-то выжить здесь, не то что вернуться. Место незнакомое, и вообще неизвестно, есть ли на Марсе существа, похожие на людей. Но стоит ли подрывать свою

смелость печалью? Лучше успокаивать себя мыслью, что ты «первый скиталец на Марсе»...

Конечно, все это я передумал уже потом, а тогда у меня очень кружилась голова. Рождались какие-то обрывочные мысли, но я помню только две: как вернуться и как прожить. Эти мысли сохранились в моем мозгу, словно две доски от затонувшего корабля, прибитые волной к берегу.

Итак, я пришел в себя. Первым делом нужно было похоронить останки моего бедного друга. На обломки корабля я даже не решался смотреть. Он тоже был моим добрым другом — верный корабль, принесший нас сюда... Оба моих спутника погибли, и я чувствовал себя так, будто сам виноват в их смерти. Они были нужны и полезны, но погибли, оставив жить меня, беспомощного. Дуракам счастье — какое это печальное утешение! Друга я похороню, пусть мне придется копать могилу голыми руками. Но что делать с останками корабля? Я не смел взглянуть на них...

Нужно было копать могилу, а я лишь тупо сидел и сквозь слезы глядел по сторонам. Поразительно, но все, что я тогда увидел, я помню до мельчайших подробностей, и, когда бы я ни закрыл глаза, передо мной снова встает знакомый пейзаж со всеми красками и оттенками. Только одну картину я помню так же отчетливо: могилу отца, на которую я впервые пошел в детстве вместе с матерью. Теперь я смотрел на все окружающее с испугом и растерянностью, точно маленькое деревце, каждый листочек которого чутко вздрагивает под ударами дождевых капель.

Я видел серое небо. Не пасмурное, а именно серое. Солнце грело весьма сильно — мне было жарко, — но

его свет не мог соперничать с теплом, и мне даже не приходилось зажмуривать глаза. Тяжелый, горячий воздух, казалось, можно было пощупать. Он был серым, но не от пыли, так как я видел все далеко вокруг. Солнечные лучи словно растворялись во мгле, делая ее чуть светлее и придавая ей серебристо-пепельный оттенок. Это было похоже на летнюю жару в Северном Китае, когда по небу плывут сухие серые облака, но здесь воздух был еще мрачнее, тяжелее, унылее и словно прилипал к лицу. Миниатюрным подобием этого мира могла бы служить жаркая сыроварня, в которой мерцает только огонек масляной лампы. Вдалеке тянулись невысокие горы, также серые, но более темные, чем небо. На них виднелись розовые полосы, точно на шее дикого голубя.

«Какая серая страна!» — подумал я, хотя еще не знал тогда, страна ли это, заселена ли она какими-нибудь существами. На серой равнине вокруг не было ни деревьев, ни домов, ни полей — одна гладкая, тоскливо ровная поверхность с широколистной, стелющейся по земле травой. Судя по виду, почва была тучной. Почему же на ней ничего не сеют?!

Невдалеке от меня летали серые птицы с белыми хвостами, напоминавшие коршунов. Белые пятна их хвостов вносили некоторое разнообразие в этот мрачный мир, но не делали его менее унылым. Казалось, будто в пасмурное небо бросили пачку ассигнаций.

Коршуны подлетели совсем близко. Я понял, что они почуяли останки моего друга, заволновался и начал искать на земле какой-нибудь твердый предмет, но не нашел даже ветки. «Надо пошарить среди обломков корабля: железным прутом тоже можно вырыть

яму!» — подумал я. Птицы уже кружили над моей головой, опускаясь все ниже и издавая протяжные, хищные крики. Искать было некогда, я подскочил к обломкам и, словно безумный, начал отрывать какой-то кусок — не помню даже от чего. Одна из птиц села. В ответ на мой вопль ее жесткие крылья задрожали, белый хвост взметнулся вверх, а когти снова оторвались от земли. Однако на смену спугнутой птице прилетели две или три другие с радостным стрекотом сорок, нашедших вкусную еду. Их собратья, летавшие в воздухе, закричали еще протяжнее, словно умоляя подождать, и вдруг все разом сели. Я тщетно пытался отломить кусок от исковерканного корпуса; по моим рукам текла кровь, но я не чувствовал боли. Накинувшись на коршунов, я стал кричать, пинать их ногами. Птицы разлетелись, но одна все-таки успела клонуть человеческое мясо. С этого момента они перестали обращать внимание на мои пинки: только норовили клонуть мою ногу.

Я вспомнил, что в кармане у меня лежит пистолет, судорожно нащупал его и вдруг — что за наваждение! — в каких-нибудь семи-восьми шагах от себя увидел людей с кошачьими мордами!

2

«Выхватить пистолет или подождать? — заколебался я, но в конце концов вынул руку из кармана и молча усмехнулся. — Я прилетел на Марс по собственному желанию. Еще неизвестно, убьют ли меня эти кошки — может быть, они самые милосердные существа на свете. С какой стати мне хвататься за оружие!» Добрые

помыслы прибавляют храбрости, и я совсем перестал волноваться. Посмотрим, что из этого выйдет, во всяком случае, мне не следует первому нападать.

Увидев, что я не двигаюсь, пришельцы сделали два шага вперед: медленно, но решительно, как кошки, выследившие мышь. Птицы тем временем разлетелись со своей добычей... Я закрыл глаза от ужаса. И в ту же секунду меня схватили за руки. Кто бы мог подумать, что эти люди с кошачьими мордами действуют так быстро, ловко и бесшумно!

Может, я совершил ошибку, не вынув пистолета? Нет, они должны оценить мое благородство! Я совсем было успокоился и даже не открыл глаз — от уверенности, а вовсе не из трусости. Но хотя я не сопротивлялся, странные существа сжимали мои руки все больнее и больнее. «А добры ли они?» — засомневался я. Чувство морального превосходства говорило мне, что человеку унижительно мериться силой с кошками. Кроме того, на каждой моей руке лежало по четыре-пять лап — мягких, но крепких, охвативших мои руки, как эластичные ремни. Борьться бесполезно. Если я попытаюсь вырваться, они выпустят когти. Люди-кошки, наверное, всегда хватают свою добычу исподтишка, а затем причиняют ей жестокую боль — независимо от того, как ведет себя жертва. Таковую боль, которая заставляет жертву забыть о своем моральном превосходстве или пожалеть о нем. Теперь я раскаивался, что ошибся в этих существах и не применил политику силы первым. Один только выстрел — и, ручаюсь, они бы все убежали. Но раскаянием делу не поможешь. Светлый мир, который я создал в своих мечтах, обернулся глубоким темным колодцем, в котором таилась смерть.

Я открыл глаза. Все они стояли за моей спиной, не желяя, чтобы я их видел. Такое коварство вызвало во мне еще большее отвращение. «Раз я попался к вам в лапы, убейте меня. К чему прятаться!»

— Ну зачем так... — невольно начал я, но тут же остановился: ведь они не понимают нашего языка.

Единственным следствием моих слов было то, что лапы мучителей сжались еще крепче. Да если б они и поняли меня, то вряд ли подобрили бы. Уж лучше они связали бы меня веревками, потому что ни моя душа, ни тело не могли больше выдержать этих мягких, крепких, жарких, отвратительных объятий.

В воздухе летало все больше коршунов, которые, распластав крылья и склонив головы, выжидали удобный момент, чтобы вернуться вниз и снова полакомиться.

Интересно, что задумали проклятые кошки, торчащие за моей спиной? Нет хуже, когда тебя медленно пият тупым ножом. Я неподвижно стоял и глядел на коршунов. Эти жестокие твари за несколько минут расправились с моим бедным другом. За несколько минут? Но тогда их нельзя назвать жестокими. «Ты легко умер, — позавидовал я товарищу. — Ты во много раз счастливее меня, обреченного на медленную пытку!»

«Хватит же, хватит!» — чуть было вновь не сорвались с моих губ ненужные слова. Нравов и повадок людей с кошачьими мордами я не знал, но за прошедшие минуты на собственном опыте убедился, что они самые жестокие существа во Вселенной. А для палачей не существует слова «хватит»: медленно мучить жертву для них своего рода наслаждение. Какой же толк говорить с ними! Я уже приготовился к тому, что мне будет за-

гонять иголки под ногти или вливать в нос керосин — если на Марсе вообще существуют иголки и керосин.

Тут я заплакал — не от страха, а от тоски по родине. Светлый, великий Китай, где нет ни жестокостей, ни пыток, ни коршунов, поедающих мертвых, — наверное, я уже никогда не вернусь на твою райскую землю и не смогу больше вкусить справедливой человеческой жизни! Даже если я выживу на Марсе, самое большое наслаждение здесь будет для меня страданием!

Тем временем существа с кошачьими мордами ухватили меня за ноги. Они по-прежнему не издавали ни звука, но я ощущал на своей спине их горячее дыхание. Мне было так противно, будто всего меня обвили змеи.

Внезапно раздался отчетливый звон, который, казалось, нарушил долгие годы безмолвия. Я и сейчас иногда еще слышу его. Это защелкнулись кандалы на моих ногах, такие тесные, что я перестал чувствовать лодыжки.

Какое преступление я совершил? Что они собираются сделать со мной? Впрочем, что рассуждать: в кошачьем обществе человеческий разум вряд ли нужен, не говоря уже о чувствах.

Затем они надели мне наручники, но лап все-таки не разжимали. Чрезмерная осторожность (из нее всегда рождается жестокость), видимо, является необходимым условием жизни в сумраке.

Напротив, теперь две потные лапы вцепились мне еще и в шею. Это означало, что я не должен оглядываться — как будто мне хотелось смотреть на них!

Может быть, из той же чрезмерной осторожности над моей шеей уже занесены сверкающие клинки? «Сейчас поведут!» — подумал я, и словно в ответ люди

с кошачьими мордами дали мне пинок под зад. Я чуть было не свалился с ног, но лапы мягкими крючками удержали меня. За спиной послышалось фырканье, какое обычно издают коты, — очевидно, мои мучители смеялись. Конечно, они радуются, что могут издеваться надо мной!

Я надеялся, что быстроты ради они понесут меня, но снова жестоко ошибся: они заставили меня идти самого, будто догадавшись, насколько это для меня мучительно.

Пот заливал мне глаза, но я не мог смахнуть его ни руками, скованными за спиной, ни даже простым движением головы, так как меня цепко держали за шею. С усилием выпрямившись, я шел — нет, не шел, не могу подобрать слово, способное выразить, что я делал: прыгал, полз, извивался, ковылял...

Пройдя несколько шагов, я услышал — к счастью, они еще не заткнули мне уши — яростное хлопанье крыльев: это коршуны разом, как на поле боя, ринулись в атаку... Я не мог простить себе, что не успел выкопать могилу и похоронить своего товарища. Почему я столько времени тупо сидел на месте?! Если я уцелею и когда-нибудь вернусь сюда, то, наверное, и костей твоих не найду. Ничто и никогда отныне не заглушит моего стыда, и каждый раз, вспоминая эти печальные минуты, я буду чувствовать себя самым никчемным человеком на свете!

Все тело ныло, а мысли, точно в дурном сне, попрежнему устремлялись к погибшему другу. Закрыв глаза, я представлял себе коршунов, клюющих его останки. Мне чудилось, будто они клюют мое собственное сердце. Куда меня ведут? Открыть глаза имело бы смысл в том

случае, если бы я надеялся на побег и хотел запомнить дорогу, а просто глядеть по сторонам ни к чему. Мое тело уже не принадлежало мне, я его не чувствовал, как человек после тяжелого ранения. Моя жизнь была в чужих руках, но это уже не печалило меня.

Когда я открыл глаза, то почувствовал себя точно после похмелья. Закованные ноги ломило, боль отдавалась в сердце. Не сразу я понял, что нахожусь в лодке. Как я попал в нее, когда? Но это все пустяки — главное, что нет горячих лап и вообще никого вокруг. Надо мной — серебристо-пепельное небо, внизу — маслянистая темно-серая поверхность реки, которая беззвучно, но быстро несет мою лодку.

3

Я не думал ни о каких опасностях, в моей душе не было никакого страха. Жара, голод, жажда, боль — ничто не могло побороть усталости: ведь я больше полумесяца летел в межпланетном корабле. Лечь на спину мне мешали наручники, поэтому я улегся на бок и заснул, вверив свою жизнь маслянистому потоку. Может быть, мне, по крайней мере, приснится хороший сон?

Вновь я очнулся в углу не то колодца, не то маленькой хижины без окон и дверей. Пол ей заменял кусок травянистой лужайки, а крышу — клочок серебристо-пепельного неба. Мои руки уже были свободны, но на поясице прибавилась толстая веревка. Другого конца веревки я не видел — наверное, он был привязан где-то наверху. Не иначе как меня спустили сюда на веревке.

Пистолет по-прежнему лежал в кармане. Странно! Чего они хотят от меня? Выкупа? Слишком хлопотно, потому что им придется тогда слетать на Землю. А может быть, они решили выдрессировать пойманное чудовище и выставить в зоопарке? Или отправить в клинику на препарирование? Во всяком случае, это было бы не лишено целесообразности. Я усмехнулся: кажется, я начинаю сходить с ума.

Во рту пересохло. Почему они не отобрали у меня пистолет? Этот странный и успокаивающий факт, однако, не утолил моей жажды. Я стал озираясь и увидел в углу каменный кувшин. Что в нем? Чтобы заглянуть внутрь, мне придется прыгать в своих кандалах. Превозмогая боль, я попробовал подняться, но ноги по-прежнему не слушались меня. Колодец был неширок, и стоило мне лечь на землю, как до кувшина осталось бы несколько вершков. Но веревка на поясе предостерегла меня от бесполезной попытки. Если бы я лег на живот, вытянул руки и дернулся, веревка поставила бы меня на ноги.

Запекшееся горло помогло мне изобрести гениальный план: надо лечь на спину и двигаться ногами вперед, словно жук, который опрокинулся и не может перевернуться. Несмотря на то что веревка была завязана очень туго, я все-таки сдвинул ее вверх, на грудь, чтобы она не помешала мне достать до кувшина. Лучше боль, чем жажда! Веревка глубоко, до крови врезалась мне в тело, но я двигался, не обращая на это внимания, и наконец дотянулся до драгоценности.

К несчастью, кандалы не позволяли мне раздвинуть ноги, чтобы обхватить ими кувшин, а когда я разводил носки, я не мог дотянуться до него. Безнадежно!

Оставалось только лежать навзничь и глядеть в небо. Машинально нащупав пистолет, я вынул его и залюбовался изящной вещицей. Потом приставил его блестящее дуло к виску: стоит шевельнуть пальцем — и с жадной покончено навсегда. Но тут меня осенила новая мысль. Перевернувшись на живот, я дважды выстрелил по веревке. Она обуглилась. Лихорадочно работая руками и зубами, я оборвал ее и в безумной радости, забыв про кандалы, вскочил на ноги, но тут же упал. Когда я дополз до кувшина и заглянул внутрь, там что-то блеснуло. Может быть, вода, а может быть... Но мне было не до сомнений. Первый же прохладный глоток показался мне вкуснее волшебного нектара. Усилия всегда вознаграждаются: я наконец понял эту простейшую заповедь.

Воды было совсем немного, и я не оставил ни капли.

Обняв своего спасителя — кувшин, — я размечтался о том, что обязательно захвачу его с собой, когда полечу обратно на Землю. Но тут же помрачнел: увы, надежды нет... Долго я сидел не шевелясь, глядя в горлышко кувшина. Надо мной с отрывистыми криками пролетела стая птиц. Я очнулся, поднял голову и увидел розовую полоску зари. Серое небо сделалось как будто выше и яснее, стены тоже украсились розовой каймой. «Скоро стемнеет, — подумал я. — Что же делать?»

Все действия, которые были бы уместны на Земле, здесь не подходили. Я не знал своего противника и не представлял, как с ним бороться. Даже Робинзон, наверное, не испытывал ничего подобного: он был свободен, а мне предстояло освободиться из лап людей с кошачьими мордами, о которых доселе никто ничего не знал.

Но что же все-таки делать?